

К Р О К О Д И Л

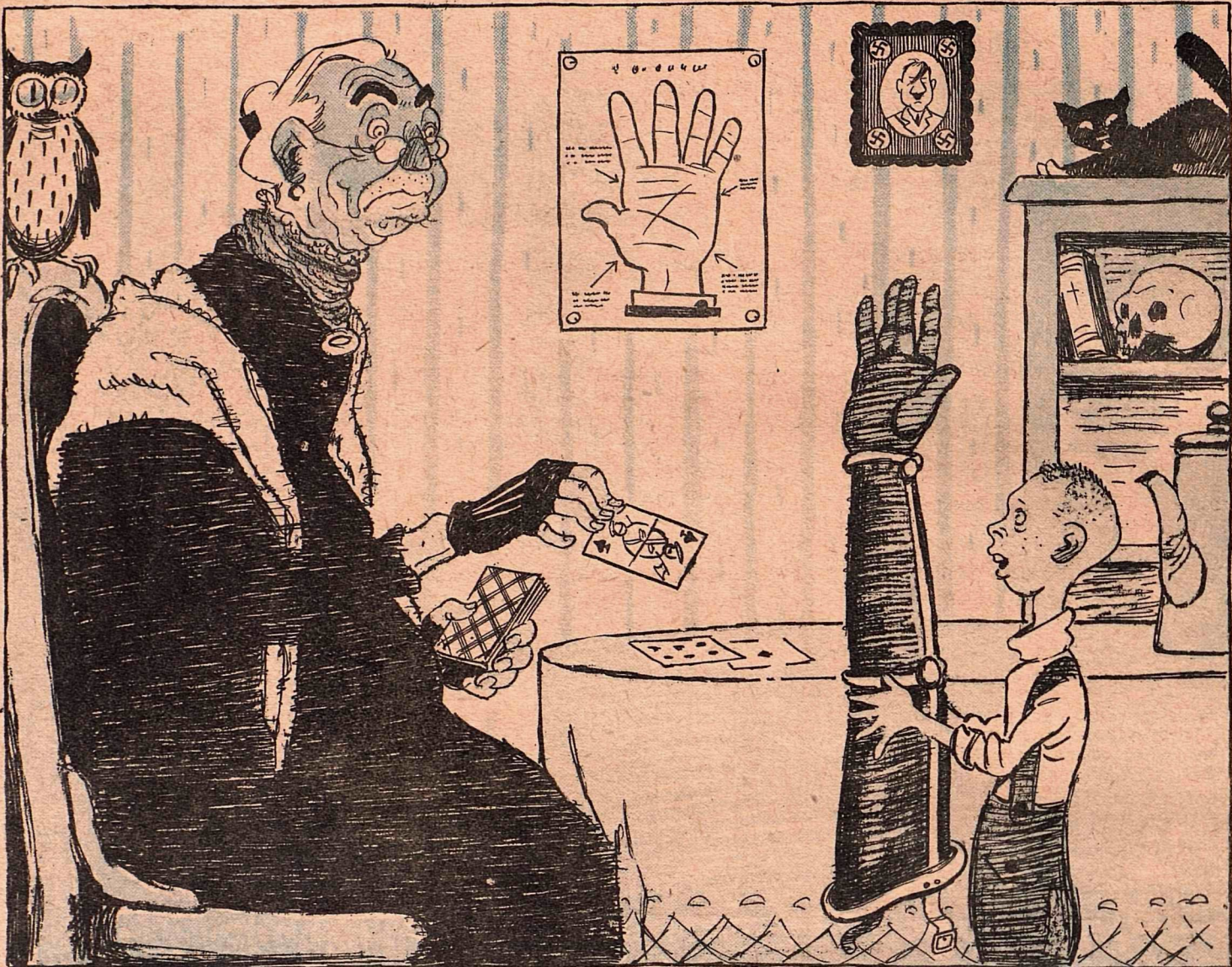

ПЕРЕД РАЗЛУКОЙ

Рис. К. Елисева

ДЕД-МОРОЗ: — Оклеветал старика напрасно! Отдельные ноги, руки или, к примеру, носы — не спорю, погубил. А вот целые дивизии, танки, самолеты — это уж не я: это — Красная Армия.

Рис. Ю. Ганфа

— Фрау Киршвассер, отец вернулся с фронта и просит погадать ему по руке, скоро ли кончится война.

ЮГ'42

✓ Перед весенним севом

КАКОЕ же решение будет насчет обер-лейтенанта фон Цацке?—спросил председателя колхоза товарищ Белков.

— Мое мнение — гречиха,— сказал бригадир Силин.

— А я считаю, что у обер-лейтенанта гречиха будет плохо родить,— вставил старый колхозник Иван Петрович.

В разговор вмешалась бабка Агафья: — Я бы посоветовала от обер-лейтенанта фон Цацке до обер-ефрейтора Фрица Гундеовес и больше ничего.

— От обера до обера сплошняком овес — это дело,— резюмировал председатель.

Стоял погожий день. Один из первых дней наступающей весны. Колхозники деревни Березовки вышли в поле, чтоб там, на месте, наметить план сева.

Тут же стоял человек с портфелем, инструктор из района. Он слушал речи колхозников и недоумевал. При чем тут фон Цацке и гречиха? Какое касательство имеет обер-ефрейтор Фриц к овсу?

Председатель колхоза взглянул на инструктора и сразу понял, что тот ничего не понял.

— Я должен объяснить вам, дорогой товарищ,— шепнул председатель,— что разговор идет о земельном участке, расположенном между двумя холмиками. Под тем холмиком, что справа,— покойный обер-лейтенант находится, а под холмиком слева — ихний обер-ефрейтор. В январе при отступлении полегли.

И, обратившись к колхозникам, председатель спросил:

— Ну, а дальше как?

С конкретным предложением выступила бабка Агафья:

— С правого фланга надо пустить картофель, с левого — ударить свеклой, а в тыл зайти капустой.

— А в низине, под юнкерсом, хорошо пойдет ячмень,— добавил Иван Петрович.

— Ячмень пойдет и под юнкерсом и под мессершмиттом,— сказал счетовод Валькин.

— Опять же тут для вас непонятное,— шепнул председатель приезжему.— Дело идет об участке, где сбиты немецкие самолеты.

— А подступы к Вшивой горке атакуем подсолнухом,— сказал бригадир Силин.

— Это что за Вшивая горка?— спросил приезжий.

— Высота «212»,— ответила бабка Агафья,— где был опорный пункт фашистов.

— Выбиты оттуда массивным огнем полковой артиллерии,— добавил счетовод.

— Ладно, товарищи!— председатель указал рукой на запад:— А что будем сеять по главному драпу?

— С обоих боков драпа предлагаю коноплю,— сказал Иван Петрович.

— Опять же насчет драпа,— шепнул председатель приезжему.— Так у нас колхозники называют эту дорогу: по ней драпали от нас немцы.

— А под рожь,— продолжал Иван Петро-

вич,— пустим весь участок от разбитого немецкого танка до партизанской роши. Сюда же добавим и минное поле до самого мундира.

— А у мундира хорошо бы картошку.

— Вот и будет картофель в мундире.

Приезжий опять не понял:

— Это что за мундир?

— Там какой-то ихний старый полковник потерял при поспешном отступлении мундир с орденами,— объяснил счетовод.

— Под мундиром требуется хороший навоз,— сказал Иван Петрович.— Под этим мундиром один песок.

— Навоз требуется и на эрзаце,— сказал Силин.

— Лишнее,— возразил счетовод.— Эрзац — сплошное дерьмо.

Председатель шепнул приезжему:

— Эрзацем у нас теперь называют вот ту поляну, что у самой дороги. Там немцы при отступлении сбросили свои валенки из солом.

— А как нам с Гитлером быть?

— Ликвидировать надо ко всем чертям,— сказал председатель и, обратившись к приезжему, пояснил:— Гитлером мы называем бывшее Сукино болото, где гуляли бешеные собаки...

...В деревне Березовке, на освобожденной земле, советские люди готовятся к весеннему севу.

Г. РЫКЛИН

Подарок

Я не знаю, кто мне в часть прислал
Очень подходящие вещицы:
Папиросы «Беломорканал»
И из чистой шерсти рукавицы.

В них письмо. По смыслу — из села.
Пишет: «Познакомиться приятно».
Только подпись смазана была
И написан адрес непонятно.

Я сказал на почте полевой:
— Вот ответ. В село направьте сами.
Пожалуйста начальник головой,
Улыбнулся и развел руками.
И сказал: «Я здесь не первый год.
Написал я адресов немало,
Но не знаю точно, где живет
Та, что рукавицы вам связала».

Старшина мне дал один совет.
Я подумал и решил: «Отлично».
И теперь с собой ношу ответ,
Вдруг его вручить случится лично.

Я не знаю, кто мне в часть прислал
Очень подходящие вещицы:
Папиросы «Беломорканал»
И из чистой шерсти рукавицы.

Виктор ВАРМУЖ

Действующая армия.

ЦЕНА КОНТРАТАКИ

— Приказываю немедленно занять вот эту высоту, не обозначенную на карте!

— Простите, господин обер-лейтенант, это не высота...

— Ну, не высота, так гора! Не все ли равно?!

— Прошу прощения, это и не гора: это наш бывший батальон СС после огневого налета русских...

ВЕРХ НАИВНОСТИ

— Обер-лейтенант! Почему вторая рота отказывается идти в контрнаступление?!

— Видите ли, господин майор, солдаты говорят, что если господин Геббельс еще неделю тому назад сообщил о том, что мы отбили этот город у русских, то зачем стараться занимать его лишней раз?..

ПОЧТА РАБОТАЕТ

— Фрау Эзель, для вас есть извещение о посылке с Восточного фронта.

— О, это от мужа! Он давно обещал прислать мне черное шолковое платье.

— Черное? Это очень кстати, потому что для вас есть еще одно извещение: ваш муж убит на фронте...

С подленским верно

Фрицы о фрицах

(Выдержки из приказов, писем и показаний пленных немецких солдат)

ЗНАЮТ СВОЕГО ФЮРЕРА

«Фюрер сказал, что в 1942 году мы будем еще лучше вооружены и сможем успешно продолжать войну. После этого все женщины сразу опустили головы. Все ходят печальные. Только немногие, которые никого не имеют на фронте, да дурочки, еще резвятся...»

(Из письма жены солдата Гейнца.)

ПЕРЕПИСКА С ПОКОЙНИКАМИ

«...Наши барышни намерены, если будет хорошая погода, прокатиться до Ленинграда. Для этой цели они уже приготовили меховые перчатки. Водку надеемся получить от наших солдат. Думаю, что у них еще кое-что осталось — ведь мы им немало бутылок послали... Не помню, писала ли я вам уже о том, что встретила несколько солдат, прибывших в отпуск из Москвы».

(Из письма к солдату Иоганну Вейделе от знакомой из г. Гукс.)

НИ МИНУТЫ СВОБОДНОЙ

«Но тут, как уже принято, есть еще одна работа перед сном. Это бить вшей. Теперь мы этим делом занимаемся каждый день. Никогда не удается раньше 12 часов лечь спать. Вши окончательно съедают».

(Из письма унтер-офицера Альфреда Гелера жене.)

* * *

«Мы очень устали и отошдали. Отдохнуть нам дают всего 1—2 часа в сутки. Но и в эти часы мы не отдыхаем — мы чистимся и бьем вшей».

(Из письма Франца Гаубера жене.)

ГРАБЕЖ С РАЗРЕШЕНИЯ НАЧАЛЬСТВА

«Продуктами питания мы обеспечиваем сами себя. Обычно наш командир роты капитан Боркштеке давал нам записку, устанавливал цену и мы забирали у крестьян коров, свиней, птицу. За свинью мы платили 40 марок. Но мы платили не деньгами, а выдавали расписки и предупреждали, что расчет по этим распискам будет произведен после окончания войны».

(Из показаний пленного Хорста Люке.)

С ПРОТЯНУТОЙ РУКОЙ

В приказе от 15 декабря № 166/41 по второму дивизиону 123-го артиллерийского полка, подписанном офицером Кернером, в первом же пункте сообщается о том, что обер-ефрейтор Мазур (6-я батарея) наказан десятью сутками строгого ареста за то, что «нищенски кланчил хлеб у русских крестьян и тем самым вредил достоинству германской армии».

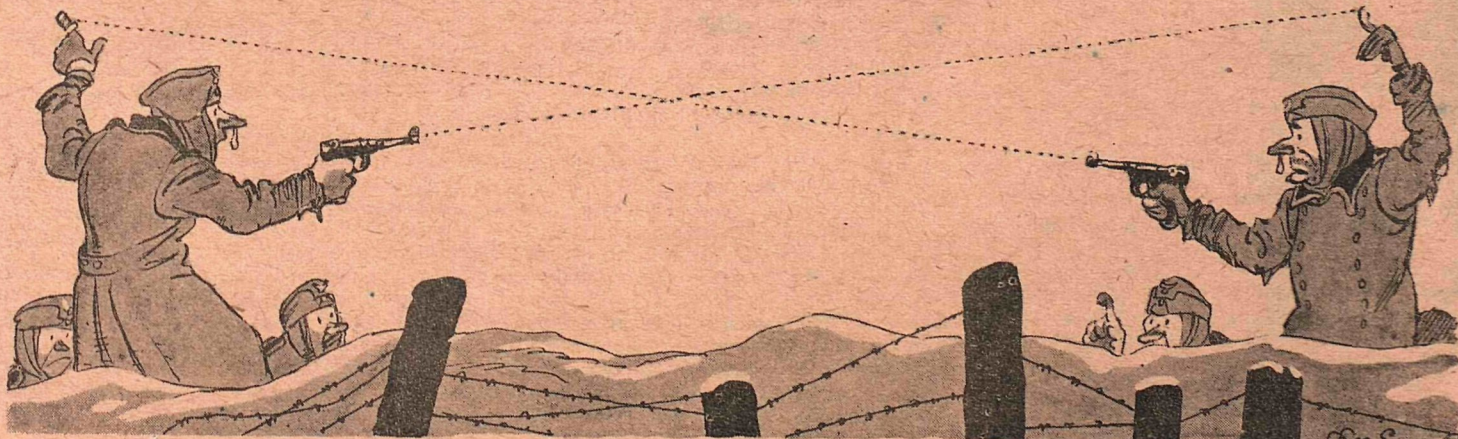
ФИННЫ ТОЖЕ НЕ ОСТАЮТ

«Замечено, что солдаты на пути следования занимаются попрошайничеством у гражданского населения, собирают милостыню деньгами, хлебом, табаком и т. д. Начальствующему составу предлагается разъяснить каждому солдату, что такого рода нищенство пятнает честь солдата финской армии и не может быть дозволено ни при каких обстоятельствах. Начальник штаба управления генерал-майор В. Э. Тумшио».

(Из бюллетеня приказов главной квартиры верховного командования финской армии за № 21.)

ИЗ ЖИЗНИ ПЕРВОЙ САМОСТРЕЛКОВОЙ НЕМЕЦКОЙ РОТЫ

Рис. Бор. Ефимова

Взаимная выручка в бою.

Рис. Бор. Ефимова

— Как ты думаешь, Курт: сначала вынесем полковника с поля боя или тут же на месте обшарим его карманы?

О чем они говорили

АНТОНЕСКУ был взволнован чрезвычайно: через несколько минут предстояла встреча с Гитлером. Холуй нервно шагал по приемной и говорил себе:

— В чем дело, в конце концов? Чего я, собственно, боюсь? Я, в конце концов, тоже не кто-нибудь, а Антонеску. Тоже, слава богу, премьер-министр, а не сапожник.

Антонеску взвинчивал себя больше и больше:

— Если он спросит, где румынские подкрепления на советско-германский фронт, я так прямо и скажу ему: «Нет подкреплений. Нет и нет. Раньше были, а теперь нет. Поубивали. В чем дело, в конце концов? Я тоже, знаете ли, Антонеску, а не кто-нибудь!»

Он взбодрил себя и уверенными шагами вошел в кабинет Гитлера. Гитлер был мрачен.

— Здравствуйте, — сказал юн Антонеску сурово.

— Здравствуйте, — ответил Антонеску. — В чем дело? Я тоже, в конце концов, не кто-нибудь, а Антонеску.

— Сегодня вы Антонеску, — сказал хозяин, — а завтра вы не Антонеску.

— А кто я завтра? — робко спросил холуй, так как последние остатки бодрости покинули его.

— Еще не знаю, кто вы завтра. Не решил. Так что нечего задаваться, что вы Антонеску. И вообще имейте раз навсегда в виду, что вы Антонеску, потому что я этого хочу, а не почему-либо иному. Понятно?

— Понятно, — прошептал Антонеску.

— Где резервы? — спросил Гитлер. — Где румынские дивизии, которым предстоит покрыть себя неуязвимой славой на советско-германском фронте?

— Нету, — сказал Антонеску. — Ей богу, нету. Хоть обыщите.

— И обыщем! А вы что думаете? Мне передавали, что еще чорт его знает сколько народу ходит у вас по улицам. И в трамваях можно набрать. И в домах. Болтаются без де-

ла, вместо того чтобы отправиться на фронт и покрыть себя неуязвимой славой.

— Так это старики.

— Старики тоже как пушечное мясо годятся. Не первый сорт, конечно.

— Могут быть волнения в стране, — сказал Антонеску.

— Тем более. Чем больше мы отправим людей на фронт, тем меньше их останется в стране, и волноваться будет некому.

— Они не обучены, эти старики, — сказал Антонеску.

— Ничего. Покроют себя неуязвимой славой и без этого. Потом, послушайте, Антонеску, тут мне в ставке говорили, что у вас систематически снижается нефтедобыча. Вы знаете, чем это пахнет? Придется изъять из вашего ведения нефтяные промысла и оккупировать нефтяные районы.

— Помилуйте, — сказал Антонеску, — мы же, так сказать, союзники!

— Мне нужна нефть, — сказал Гитлер. — Нефть кончается скорее, чем кончается война.

И тут Антонеску увидел, что Гитлер побледнел. Себя он увидеть не мог, но и он был бледный. Несколько минут длилось тягостное и страшное молчание.

— Вот что, Антонеску, — сказал Гитлер. — Вы немедленно отправляете новые войска в Россию. Отправляете все, что можно отправить. И больше нефти. Как можно больше нефти. Я считаю, что мы договорились. И вы считаете, что мы договорились.

— Я хочу сказать... — начал было Антонеску.

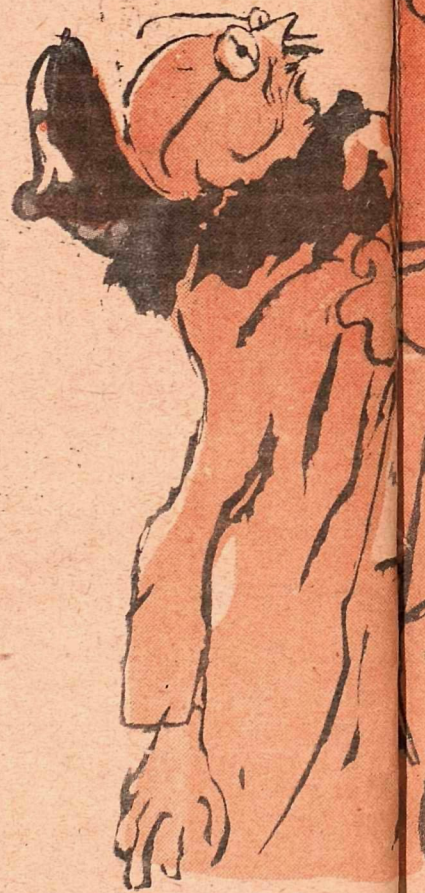
— Нет, вы ничего не хотите сказать! — кричал Гитлер. — Я считаю, что мы договорились, и вы считаете, что мы договорились. А если во время беседы двоих людей оба считают, что они договорились, то все правильно. Можете идти.

Антонеску ушел.

КОНСТАНТИН ФИНН

На берлинском на вокзале
Немки немцев провожали.
Было лето. Шел поток
Толстых фрицев на Восток:
Шел ефрейтор Фридрих Шлюке,
Шел разведчик Мильхензукке,
Шли сто пять артиллеристов,
Девяносто семь связистов,
Двести пять мотоциклистов,
Сто четырнадцать танкистов,
Триста сорок два стрелка —
Украшение полка!

Рис. В. Горяева

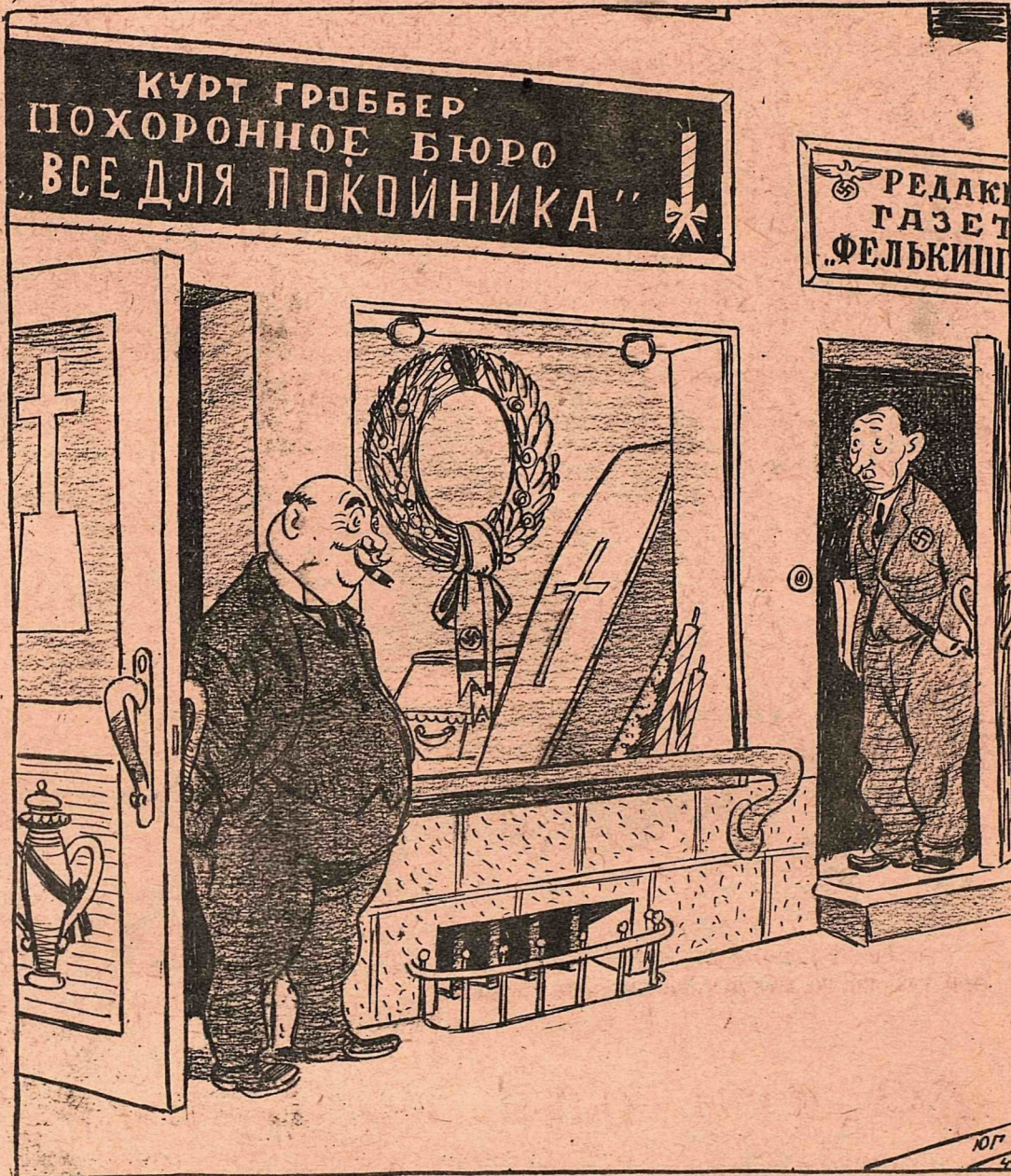

— Вы стоите перед портретом шубу и калоши!

На берлинском на вокзале
 Немки немцев ожидали,
 Шла зима. Скрипел вагон.
 Разгрузился эшелон:
 Шел безрукий Фридрих Шлюхе,
 Полз безногий Мильхензукхе,
 Вышли полмотоциклиста,
 Два мороженых связиста,
 Полтора артиллериста
 И три четверти панкиста...
 Где же фрицы? Где стрелки?
 Их могилы далеки!..

Алексей РЕЗАПКИН

ОЙ СТРАНЕ

— Почему у вас такой похоронный вид, герр редактор?
 — Дела пробовые. А вы чему веселитесь, герр Гроббер?
 — О, у меня тираж растет!..

Метким ударом

(По столбцам красноармейской печати)

ПРАВИЛЬНЫЙ РАСЧЕТ

Адъютант: — Простите, генерал: вы в третий раз обещаете солдатам 47-го полка возвращение домой. Это грозит неприятными последствиями.

Генерал: — Ерунда! Полк пополнялся уже пять раз. Два раза мое обещание никто не услышит.

(«Боец РККА»)

В ТРУДНУЮ МИНУТУ

Офицер: — Солдаты, вы окружены любовью и заботой самого фюрера!

Солдаты: — Господин офицер, вы скажите лучше, как нам выйти из этого окружения.

(«Сталинец»)

СИЛЬНОЕ СРЕДСТВО

(Из письма немецкого солдата)

«...а еще сообщаю тебе, что русские применяют против нас мучительное, варварское средство войны. Ежедневно со стороны их окопов тянет запахом жареного мяса и настоящего украинского борща. От этих запахов у нас кружится голова, появляется усиленное

слюнотечение. Многие солдаты не выдерживают этих пыток и сдаются русским в плен...»
 («Фрунзевец»)

БЕРЛИНСКИЕ РАЗГОВОРЫ

— Говорят, герр Флюхтер, что красноармейцы очень хорошо бросают ручные гранаты...

— Подумаешь, ручные гранаты!.. Гранату и ребенок бросит. Вот наши солдаты под Москвой тяжелые танки и пушки бросают — и то не хвастаются!

(«Красный кавалерист»)

ОБИЖЕННЫЙ ПЕС

— И зачем только меня назвали немецкой овчаркой! Еще спугают с этой кровавой собакой — Гитлером.

(«Сталинец»)

ВОР У ВОРА ДУБИНКУ УКРАЛ

— Вчера в Берлине на Гимmlера и его друзей напала шайка грабителей.

— Ну, и как же они?

— Обобрали воров до нитки.

(«Фрунзевец»)

риера! Снимите шапку! А заодно

Концерты политрука

У ДИВИТЕЛЬНУЮ сцену наблюдал я на передовых позициях Северного фронта.

Представьте такую картину. Белая высота, голая как яблоко. Ни куста, ни травы, ни дерева — совершенно голая возвышенность. На этой высоте и на соседних с ней, вкопавшись глубоко в камень, сидят наши бойцы. Со стороны ничего не видно — высота и высота... Но попробуй подойди к ней, тебя встретят дьявольским огнем из пулеметов, минометов, автоматов и, бог его знает, из чего еще.

На той стороне реки, в каких-нибудь ста метрах от русских высот, также вкопавшись в камень, сидят немецкие горные стрелки.

Так они сидят друг против друга, разделенные только течением незамерзающей горной реки.

Иной день тут совсем тихо, а то вдруг начинается страшная стрельба. Думаешь, наступление! Ничего подобного. Немцы заметили какое-то движение в русских окопах и со страха начали палить.

Ночной порю тут стреляет артиллерия. Днем летают самолеты и сбрасывают бомбы. Потом наступает тишина. Она длится час, три, пять...

Скучно!

Но вот из немецких окопов слышится голос, усиленный рупором:

— Эй, рус! Одавайся — масло дадим!

В наших окопах слышен взрыв хохота: все знают, что у немцев маргарина дают по сорок граммов в день на солдата, а туда же, хватается маслом.

— А ну покажи! — раздается голос невидимого красноармейца.

Через минуту кто-то в окопах немцев поднимает винтовку. Смотрю в бинокль. На штыке виднеется нечто желтоватое. Из наших окопов раздается выстрел. Раздробленная немецкая винтовка падает на камень.

— Зачем стреляешь, рус? — сердито говорят на немецкой стороне. — Иди к нам — масло есть, булку дадим!

— Не хотите ли наших сухарей? — кричат в ответ, и раздается несколько выстрелов.

— Угощайтесь! — кричат бойцы вслед пулям.

И опять тишина.

Вот в такое затишье к высоте по выючной тропе, защищенной от немцев горами, подошло несколько лошадей. Позади шагала юноша. Я

его сразу узнал: это был Эренбург, парень из политотдела армии.

— Зачем сюда? — спрашиваю я его.

— Вот приехал поговорить с немцами, — он указывает на какие-то ящики, привязанные к спицам лошадей.

— Это еще что за штука? — любопытствую я.

— Сейчас увидите! — улыбается Эренбург и начинает командовать своим подручным.

Мы все наблюдаем (за манипуляциями Эренбурга и его товарищей). Вот ящики и машинки сняты с лошадей, вот они собраны, вот протянут провод, и наконец все становится ясно: Эренбург притащился сюда со своей радиостанцией.

Он с проводом и радиорупором за спиной пополз мимо высоты к самому берегу реки — поближе к немцам. На окрик он оглянулся, оскалял зубы и опять пополз.

Я наблюдал за немцами. Те, повидимому, заметили движение на нашей стороне, но молчали, ждали, чем вся эта возня кончится. Через десять минут, установив рупор на самом берегу реки, Эренбург приполз обратно и начал священнодействовать с передатчиком. Наконец машина была приведена в полный порядок. Эренбург подмигнул мне и сказал:

— Прикажете начать, товарищ майор?

— Пли! — скомандовал я.

Эренбург крикнул в микрофон по-немецки:

— Эй, вы там, немецкие парни! Послушайте, что я вам рассказываю. Хотите слушать или нет?

На той стороне было тихо. В наших окопах кто-то засмеялся.

— Ладно, молчание — знак согласия, — заключает Эренбург и начинает читать листовку, обращенную к солдатам немецкой армии.

Ее написал немецкий писатель Фридрих Вольф, изгнанный с родины.

Едва Эренбург кончил читать листовку, на немецкой стороне раздались крики, шум, потом резкая команда — и по высоте прыгнули из минометов...

Мы все залегли куда попало, а немцы бахали и бахали. Они били по высоте полчаса, стараясь вывести из строя эренбургскую станцию. Я насчитал пятьдесят два выстрела из минометов. Однако, сколько бы их ни было, радиостанция осталась целехонькой. Когда стрельба прекратилась, Эренбург снова взял микрофон и сказал:

— Спасибо, немецкие солдаты! Я знаю, что этими выстрелами вы салютовали писателю Вольфу и его правдивым словам. Тут у нас есть человек, который скоро поедет в Москву. Он передаст ваши чувства германскому писателю Вольфу. Я понял, что его листовка очень понравилась вам и очень не понравилась вашему офицеру. Ладно, так и быть, я прочитаю ее сначала.

И этот чортов парень опять начал читать листовку, и рупор гремел на всю округу, а эхо прохотало по ущельям и способно было разбудить мертвеца.

В конце концов появился бомбардировщик и начал швырять свой груз на радиостанцию. Бомбы падали вокруг, не причиняя вреда. Бомбардировщик скоро улетел. Эренбург встал и помахал самолету рукой. Потом он собрал свои ящики и направился дальше. На этот раз Эренбург на передовой линии сделал семь передач, и всюду после «концерта», как он называл свои передачи, в него стреляли.

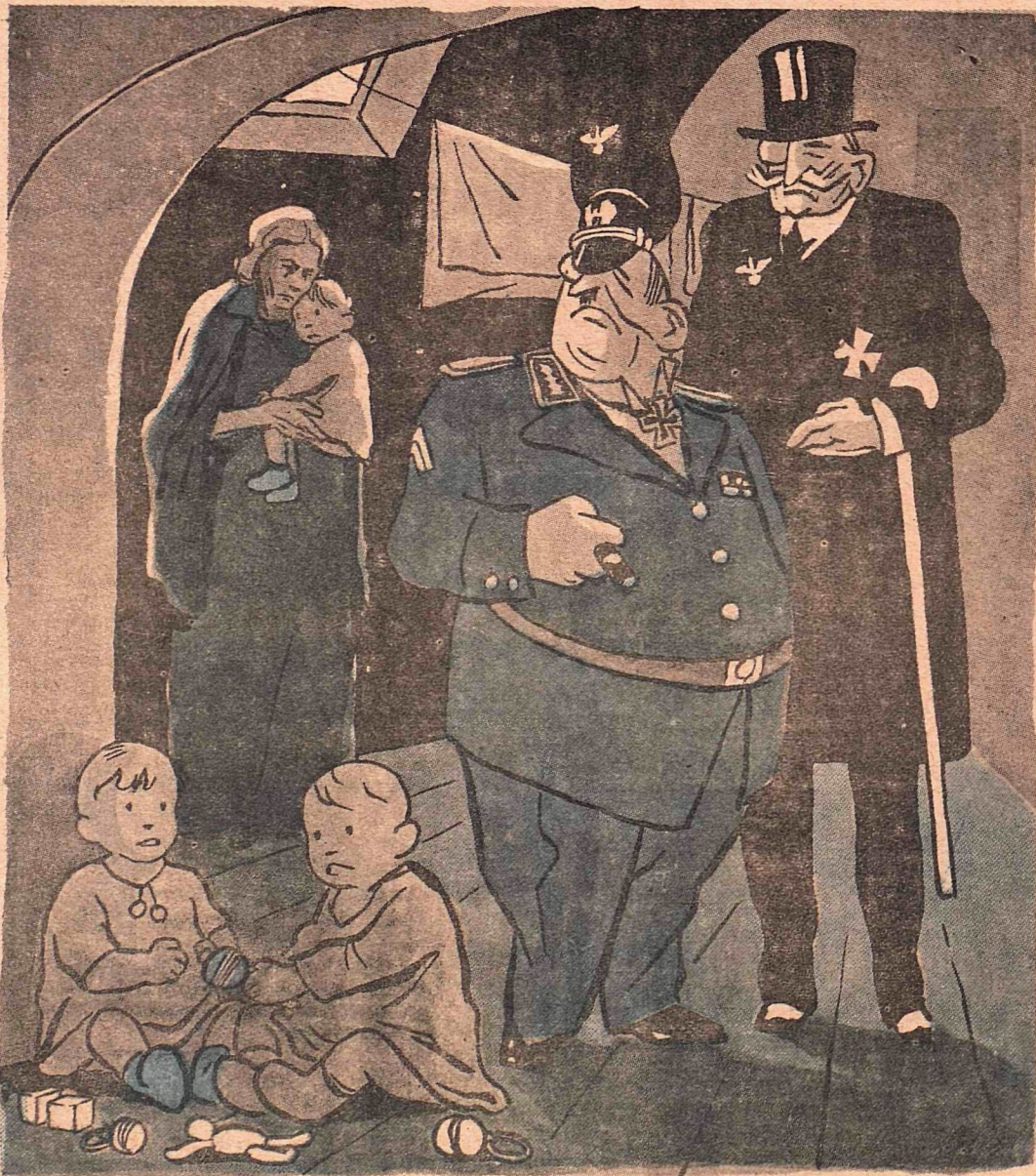
Возвращаясь через две недели из дивизии, я опять встретил Эренбурга.

— Новую программу везу! — крикнул он мне. — Без тяжелой артиллерии на этот раз не обойдется!

Он козырнул и тронул своих лошадей.

НЕМЕЦКИЕ ТРУДОВЫЕ РЕЗЕРВЫ

Рис. Г. Валька

— А с этими что делать? Ведь они еще не умеют ходить.
— Ничего. Подыщите им какую-нибудь сидячую работу.

НИКОЛАЙ ВИРТА

— Не люблю я этого Мейера. По-моему, он не чистый ариец.

Четыре времени года

У СТАРОЙ Марты, вдовы майора Краузе, взяли на русский фронт трех сыновей. Сам господин Грейзер, руководитель местных фашистов, приехал поздравить ее.

— Тебе повезло, старуха, — сказал он с грубоватой фамильярностью, — через три недели мы возьмем Москву, посадим на трон какого-нибудь покладистого оболтуса, и все твои сыновья станут русскими помещиками.. Хайль Гитлер!

— Хайль! Хайль! — воскликнула обрадованная Марта, быстро представив себе Курта смоленским, Ганса саратовским, а Фрицхена херсонским помещиками.

Прошло три недели. Потом прошло еще три недели. Оболтус, предназначенный для управления Россией, трепался где-то в обозе. Зато Курт, старший сын Марты, получил в вечное пользование (в коллективное, со всем батальоном СС) кусок мерзлой смоленской земли и осиновый кол в могилу, воткнутый партизанами.

Взволнованная фрау Краузе прибежала к господину Грейзеру с печальными известиями. Руководитель местных фашистов рассердился. Что за жадность?.. Ну, убили одного... Неужели ей недостаточно, если два ее сына станут русскими помещиками?

— Вполне достаточно, господин Грейзер!.. Но вы же говорили, что через три недели..

Господин Грейзер совсем вышел из себя и даже плюнул на чудный персидский ковер, который он в свое время с таким трудом оттягал у одного неполноценного арийца.

Действительно, был разговор о трех неделях... Он не отрицает... Но ведь надо понять, какое сейчас время года!.. Лето!.. А что такое русское лето?.. Это страшный зной, пыль, непроходимые дюны песка — почти Сахара... Танки так накаляются, что вспыхивают от одного взгляда красноармейца... Самолеты в воздухе рассыпаются на куски... Генералы килограмма-

ми поедают пирамидон и все-таки страдают головными болями...

— Вот скоро придет осень, спадет жара, осядет пыль, и увидите, двух недель не пройдет, как наш великий фюрер въедет в Москву на белом танке...

Пришла осень. Оседа пыль. А белый танк все еще стоял в гараже, нетерпеливо ожидая, когда его потребуют к торжественному въезду...

Будущий саратовский помещик Ганс Краузе так и не доехал до своей волжской усадьбы. Он встретился с злобными его сердцу крестьянами гораздо раньше. Это произошло в подмосковном лесу. Крестьяне вышли из-за кустов орешника и заключили долгожданного немецкого барина в крепкие партизанские объятия...

И вот старая фрау Марта вновь сидит в кресле перед великолепным столом местного фюрера.

Присходит следующий диалог:

— Ну?

— Что «ну»?

— Где Москва? Где мои саратовские поместья? Где мои сыновья?

Господин Грейзер ежится под тусклым взглядом старухи:

— Не беспокойтесь, фрау Краузе: все будет, все будет... Раз я вам сказал...

— Вы мне сказали, что через две недели Гитлер на белом танке въедет в Москву...

— А разве я отказываюсь от своих слов? Танк задержался в пути из-за осенней распутицы... Ах, эта проклятая русская осень!.. Дождь лупит, не переставая, дороги расплзаются так, что не только танк — лягушка не проскочит... Пусть только начнется зима, установится путь, и можете укладывать чемоданы, фрау Марта... Будете разводить арбузы в своем волжском поместье... Хайль Гитлер!..

Старуха молчала.

— Хайль Гитлер, фрау Марта!.. Хайль Гитлер!.. Вы что-то стали плохо слышать, фрау Марта... Это к вам относится... Хайль Гитлер, чорт подери!.. Хайлы!.. Хайлы!.. Хайлы!..

— Ха...йль...

В январе старые приятели встретились опять. Господин Грейзер пришел с визитом к фрау Краузе. Марта вынула из сумочки небольшую фотографию, изображавшую какого-то мрачного оборванца с обмороженным лицом, и протянула ее гостю. Делова оборванца была обязана оксфордской портьерой, а на плечи кокетливо брошена лошадиная попома.

— Это мой младший сын — Фрицхен. Не узнаете, господин Грейзер? — и, метнув в гостя злобный взгляд, добавила: — Русский помещик... Разводит вишней в Смоленской губернии.

Господин Грейзер только пожал плечами:

— Это все зима, милая фрау Марта... Русские морозы... Доходили до ста градусов... Снежные сугробы заносили семитажные дома... Сам фюрер отморозил левую ноздрю... Вот скоро весна, и мы с русскими расквашаемся... Не пройдет и месяца... Да что там месяца!.. Не пройдет и недели... Да что там недели!.. Не пройдет и... В общем хайль Гитлер!.. Хайлы!.. Хайль Гитлер!..

Ответного приветствия он так и не дождался.

Евг. БЕРМОНТ

НЕТ ХУДА БЕЗ ДОБРА

В солдаты призван Вилли Брук.

У Вилли нет обеих рук.

Но врач сказал: «Солдат неплох» —

Он не поднимет «кежде кож»!

Период	и сроки	период
Получ.		
		25/III
В 20X 21		

**ПОЧВА УХОДИТ ИЗ-ПОД НОГ
ИЛИ
ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ НОВОИСПЕЧЕННОГО ПОМЕЩИКА**

Рис. Л. Бродаты

— Что ж это получается? Немцы мне обещали недвижимое имущество, а на деле оказалось, что оно вовсе движимое.